

Цинь Цзычу резко обернулся.

Ширму в шатре военачальника уже убрали, и перед ним предстал господин Лунъян. Лицо его было бледно, но всё так же пленительно и прекрасно, подобно цветку персика. В его некогда ясных глазах теперь не было жизни. Одетый в вызывающе алое, почти прозрачное шелковое одеяние, которое благочестивые люди сочли бы верхом неприличия, он казался безжизненной куклой.

— И... что это значит? Что задумал Правитель царства Вэй? — Цзычу нахмурился, не в силах скрыть недоумения.

Разумеется, он не забыл те две стрелы, что когда-то выпустил в него Лунъян, однако за прошедшие недели былая злость улеглась, остыв под гнетом времени. К тому же нынешнее состояние пленника избавляло от всякого желания мстить. Мучить его не имело смысла: вэйский правитель уже растоптал его, выпив до капли всю жизненную силу.

Генерал Цзинь Би, при всей своей преданности вэйскому государю, оставался закаленным в боях воином, сохранившим чувство собственного достоинства. Наверное, поэтому вопрос Цзычу заставил его неловко смолчать.

Вместо генерала слабо, безжизненно рассмеялся сам Лунъян. Прижимая ладонь к сломанным, еще не сросшимся ребрам, он медленно, преодолевая боль, подошел к Цзычу.

— Мой повелитель преподносит меня вам в дар, господин Цзычу, — прошелестел он. — Делайте со мной всё, что пожелает ваша душа. Можете замучить до смерти, можете тешиться в постели... Как вам такое подношение?

С этими словами Лунъян шагнул еще ближе. Не держи Цзычу на руках маленького Ин Чжэна, гость наверняка упал бы ему на грудь. Но даже теперь, разделенный младенцем, Лунъян стоял почти вплотную. Цзычу отчетливо видел нежный персиковый пушок на его юном прекрасном лице и чувствовал исходившее от него слабое тепло.

И все же Цзычу оставался на удивление хладнокровен. Проигнорировав чужую близость, он обратился напрямую к генералу:

— Неужели у вэйского правителя нет других условий? Перед тем как упасть в воду, я видел юношу в одеждах чжаоского вельможи. Из этого следует, что царство Вэй ответило Чжао отказом?

Когда разговор вернулся в деловое русло, Цзинь Би заметно приободрился. Почтительно протянув Цзычу тяжелый бамбуковый свиток, он произнес:

— Здесь официальное послание, начертанное рукой нашего государя. Он надеется, что вы

благополучно доставите эту весть Правителю царства Цинь и замолвите за нас словечко перед вашим великим предком.

Цзычу понимал, что приличия требуют развернуть свиток и хотя бы для вида пробежаться по нему глазами. Но вот беда: письменность эпохи Сражающихся царств, хоть и звалась общим словом «дачжуань», в каждом государстве имела свои причудливые особенности. Да к тому же он сам был тем еще грамотеем! Он ведь там ни единого иероглифа не разберет! И зачем тогда позориться? Чтобы выставить себя неучем перед вэйским военачальником? Ну уж нет.

Цзычу бросился быстрый взгляд на Чжан Ли, и тот с полуслова понял господина, приняв бамбуковый свиток. Сам же Цзычу напустил на себя надменный вид и важно произнес:

— Раз это государственная грамота, мне не подобает распечатывать её раньше времени. Так значит, генерал, вы намерены сопровождать нас обратно в Сяньян?

— Безусловно, — поспешил заверить его Цзинь Би. — Царство Вэй выделит отряд из пятисот отборных воинов для вашей охраны.

У Цзычу отлегло от сердца. Больше всего он опасался, что вэйцы потребуют оставить маленького Ин Чжэна в заложниках. Теперь его улыбка стала искренней, и он заговорил гораздо мягче:

— Генерал чрезвычайно учтив. Я даже не знаю, как и благодарить вас за подобное великодушие.

— Пустяки, господин. Позвольте узнать, когда вы желаете тронуться в путь — сегодня или повремените несколько дней? — тут же спросил Цзинь Би.

В глубине души генерал надеялся, что циньский гость покинет лагерь без промедления. Зажатое между Цинь и Чжао, царство Вэй металось меж двух огней. Чем быстрее прояснятся намерения грозного западного соседа, тем скорее вэйцы смогут дать ответ чжаосцам. Промедление грозило обернуться бедой.

Опасения Цзычу полностью совпадали с мыслями генерала. Он тоже боялся, что если они задержатся, Чжао уговорит вэйского правителя переменить решение, и тогда его снова запрут в темнице, сделав путь домой невыносимо долгим и опасным.

— Время не ждет, — поймав взгляд Цзинь Би, согласно кивнул Цзычу. — Если всё готово, мы выступим сегодня же.

— В таком случае я сей же час велю снарядить отряд, — с облегчением произнес Цзинь Би. — Вашим проводником станет приглашённый генерал Синьюань Янь.

Цзычу удивленно приподнял брови, вспомнив Синьюань Яня — вкрадчивого, не любящего лишних споров воина, с которым ему уже доводилось встречаться.

«Синьюань Янь и прежде вел себя со мной обходительно, к тому же мы знакомы. С таким конвоем дорога точно обойдется без неприятных сюрпризов».

Это решение его вполне устраивало.

— Примите мою искреннюю благодарность, генерал Цзинь Би, — вежливо поклонился Цзычу.

Бережно прижимая к себе маленького Ин Чжэна, он направился к выходу. Чжан Ли бесшумной тенью последовал за ним.

Когда в шатре не осталось посторонних, Цзинь Би взглянул на стоявшего поодаль Лунъяна и тяжело, сокрушенно вздохнул.

— К чему эти вздохи, генерал? — с горькой усмешкой отозвался Лунъян. — Я никогда не тешил себя иллюзиями, будто государь будет верен мне вечно. В его покоях никогда не переводились прелестные лица.

Говорил он спокойно, безучастно, словно вел речь о ком-то постороннем, а в его тусклом взоре по-прежнему не было ни единой живой искры.

— Вам не стоило так отчаянно навлекать на себя беду, — покачал головой Цзинь Би. — В чужом краю, на циньской земле, вас ждет немало тягот и унижений. Смирите гордость, прошу вас.

Лунъян горько усмехнулся. В это мгновение показалось, будто этот изнеженный юноша повзрослел за одну ночь.

— Я понимаю. Спасибо за совет, генерал, — тихо промолвил он, и в голосе его прозвучала безраздельная, мертвая покорность судьбе. — Впрочем, какая теперь разница... Что бы меня ни ждало.

Посмотрев на свои нелепые, полупрозрачные одежды, он горько усмехнулся собственной участи, отчего вновь заныли израненные ребра. Едва переставляя ноги, он вышел из шатра. Ловя на себе сальные, полные издевки взгляды простых солдат, он шел с высоко поднятой головой, не устаивая их вниманием. Подойдя к палатке Цзычу, Лунъян замер у входа, безмолвно дожидаясь, пока циньский принц соберется в дорогу.

Собирать Цзычу было нечего: у него не осталось никаких личных вещей, а всем необходимым его на скорую руку снабдил генерал. Единственной заботой оставалась дикая тигрица, устроившаяся в углу его временного жилища.

Цзычу ласково почесал хищницу за ухом и погладил мягкую шерсть на ее шее. Повернувшись к сопровождавшему его молодому офицеру, он спросил:

— Могу я забрать её с собой?

Этот юноша, доверенный человек генерала Цзинь Би, должен был сопровождать отряд на пути на запад. Услышав вопрос, офицер почтительно склонил голову:

— Разумеется, господин. Берите всё, что приглянется. В здешних лесах этого зверья полно — сколько ни бей, меньше не становится.

Услышав это, тигрица мгновенно ошетичилась. Напрягшись всем телом, она вырвалась из-под руки Цзычу, припала к земле и оглушительно, свирепо рыкнула прямо в лицо оробевшему воину. В палатке воцарилась испуганная тишина, стражники невольно схватились за рукояти мечей. Один лишь Цзычу искренне рассмеялся.

Он вновь принялся ласково оглаживать полосатую голову. Зверюга шумно выдохнула, недовольно хлестнула хвостом по земле и, продолжая скалить клыки на перепуганного офицера, довольно зажмурилась, подставляя шею под теплые пальцы человека.

— В таком случае договорились, — улыбнулся Цзычу.

Успокоив хищницу, он устроил младенца поближе к теплему тигриному брюху, чтобы тот хорошенько наелся перед долгой дорогой. Когда с приготовлениями было покончено, они наконец покинули жилище.

Стоило Цзычу сделать шаг за порог, как он наткнулся взглядом на Лунъяна. Тот беззащитно замер на пронизывающем ветру в своем полупрозрачном шелковом наряде, мелко дрожа всем телом. Первой мыслью Цзычу было не злорадство, а глупое удивление:

«Какое завидное здоровье, умудряется же не околеть!»

Но в следующий миг его лицо сделалось бесстрастным. Повернувшись к офицеру, он небрежно обронил:

— Коль скоро господин Лунъян едет с нами, пусть делит повозку с тигрицей.

Осужденный пленник ожидал от циньского принца изощренных издевательств и жестокости, но такое решение показалось ему почти ребячеством. Разве стоило бояться зверя, надежно запертого в клетке? Разве что совсем малодушный трус умер бы со страху, для воина же тут не было никакой угрозы. Окинув Цзычу сложным, нечитаемым взглядом, Лунъян безмолвно пошел за офицером, не выказав ни тени сопротивления.

Цзычу разочарованно хмыкнул и вместе с Чжан Ли поднялся на борт просторного, богато украшенного экипажа.

Внутри карета поражала своим великолепием. Места здесь было столько, что при желании десяток крепких мужчин улегся бы без труда. Пол устилали пушистые звериные шкуры, посередине прочно крепился низкий столик, а под ним тлела курильница, наполнявшая воздух тонким благовонием.

Все недавние невзгоды и обиды Цзычу мигом улетучились при виде такого удобства. Радость от долгожданного возвращения на родину окончательно вытеснила из его сердца бывшие тревоги. Устроившись на мягких шкурах, он вытянулся во весь рост и решил больше не шевелиться до самого прибытия. Растянувшись на меховом ложе, он довольно зажмурился и расплылся в ленивой улыбке.

Чжан Ли, чинно сидевший напротив, тепло улыбнулся:

— Немало же лишений вам пришлось претерпеть за последнее время, господин.

Даже не открывая глаз, Цзычу негромко рассмеялся:

— Говорят, каждому человеку отмерена своя чаша невзгод. Стало быть, испив её до дна сейчас, в будущем я обрету покой и счастье? Как думаете, учитель?

Чжан Ли покачал головой, тронутый его оптимизмом:

— Вашей стойкости можно лишь позавидовать, господин. С такой надежной вэйской охраной мы доберемся до Сяньяна в мгновение ока.

Конвой из вэйских латников, закованных в отличную броню и вооруженных до зубов, навел ужас на любого встречного разбойника. Дорога оказалась на редкость легкой, и вскоре путники завидели величественные стены Сяньяна.

Стоило доставить вэйскую грамоту во дворец, как Цзычу тотчас повелели явиться к циньскому правителю. Ступив на мостовую перед величественными воротами, Цзычу глубоко вдохнул прохладный столичный воздух и негромко произнес:

— Сяньянский дворец... Наконец-то я дома.

Он с нежностью посмотрел на Ин Чжэна. За время этого долгого пути малыш заметно окреп и подрос. Цзычу мягко коснулся губами его лба и ласково прошептал:

— Ну вот, А-Чжэн, мы и дома.

Приподнятый над землей, Ин Чжэн жадно всматривался в очертания Сяньянского дворца. В детской груди закипела спавшая доселе, но хорошо знакомая ему жажда безраздельной власти.

«В прошлой жизни мне пришлось потратить лучшие годы, плетя интриги и вырывая бразды правления из цепких лап Люй Бувэя и Лао Ая. Теперь же всё будет иначе. С таким преданным, любящим отцом, готовым исполнить любую мою прихоть, подчинить себе армию и обуздать вельмож будет проще простого!»

На губах младенца проступила едва заметная, торжествующая усмешка, а в широко раскрытых глазах вспыхнули отблески полуденного солнца.

Вскоре к ним торопливо спустился придворный евнух. С сияющим лицом он пал на колени перед Цзычу и звонко провозгласил:

— Приветствуем возвращение наследного принца Цзычу в родные чертоги! Правитель Чжаосян ждет вас, господин. Прошу, следуйте за мной.

Поднявшись, он даже не взглянул на замерших у входа вэйских посланников во главе с Синьюань Янем, полностью поглощенный почтением к вернувшемуся принцу.

Цзычу обернулся и вежливо обратился к предводителю конвоя:

— Прошу вас немного подождать здесь, приглашённый генерал Синьюань Янь. Как только я предстану перед государем, я непременно призову вас для личной аудиенции.

Затем он незаметно кивнул Чжан Ли:

— Прошу вас, учитель, следуйте за мной.

Чжан Ли тут же выступил вперед и вошел в тронный зал следом за господином.

На возвышении восседал седовласый правитель Чжаосян. Время не пощадило его лица, изрезанного глубокими морщинами, но даже в простых домашних одеждах он сохранил ту властную статью, что заставляла трепетать подданных. Позади него, заметно нервничая, сидел немолодой мужчина — в его уставшем взгляде сквозило крайнее беспокойство. Это был Господин Анго, отец Цзычу.

Стоило Цзычу переступить порог зала, как Господин Анго вскочил с места, позабыв обо всяком дворцовом этикете:

— Ижэнь! Сын мой! Ты жив!

Цзычу замер, а затем опустился на колени, склонившись в глубоком сыновнем поклоне:

— Отец... Ваш непутевый сын вернулся домой.

Осторожно приподняв младенца, он явил его взору потрясенных правителей и с гордостью произнес:

— Взгляните... Это мой сын, Ин Чжэн.

Маленький Ин Чжэн, словно понимая важность момента, уставился прямо на деда и прадеда и забавно угукнул. В ответ под сводами зала пронеслись изумленные вздохи.

— Двойные зрачки! — выдохнул Господин Анго.

— Невероятно... У этого младенца лик великого мудреца! — вторил ему пораженный Правитель Чжаосян.

«Жалкие смертные! Чему вы дивитесь? Мой великий владыка и не может выглядеть иначе!» — ликовал в душе Цзычу.

<http://bllate.org/book/18277/1750305>